

СОЛТАН ДЗАРАСОВ

**КУДА
КЕЙНС
ЗОВЁТ
РОССИЮ?**

Экономика для русских

Солтан Дзарасов

Куда Кейнс зовет Россию?

«Алисторус»

2015

УДК 330(470)
ББК 65.9(2Рос)

Дзарасов С. С.

Куда Кейнс зовет Россию? / С. С. Дзарасов — «Алисторус»,
2015 — (Экономика для русских)

Автор этой книги — недавно ушедший из жизни Солтан Сафарбиевич Дзарасов, российский политический и общественный деятель, доктор экономических наук, профессор. В своем последнем произведении С. С. Дзарасов рассматривает опыт построения рыночной экономики в современной России. Автор доказывает, что при сохранении «саморегулирующейся» рыночной модели неизбежен дальнейший развал российского хозяйства, не говоря о невозможности модернизации. В то же время, опираясь на разработки Дж. Кейнса и его последователей, С. С. Дзарасов показывает, как в России можно было бы уже сейчас создать иную, планово-рыночную модель, которая позволила бы добиться роста экономики, повышения народного благосостояния и гармонизации социальных отношений в обществе.

УДК 330(470)
ББК 65.9(2Рос)

© Дзарасов С. С., 2015
© Алисторус, 2015

Содержание

Введение	6
Глава I. Кейнсианская революция в экономической теории	13
Введение	13
1. Истоки кейнсианской революции	16
2. Российский след в воззрениях Кейнса	18
3. На пути к Общей теории	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Солтан Дзарасов

Куда Кейнс зовет Россию?

© Дзарасов С.С., наследники, 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Введение

Настоящая работа предлагается читателю в связи с 75-летием выхода в свет главного произведения XX века по экономической теории – «*Общей теории занятости, процента и денег*» Дж. М. Кейнса и 65-летием смерти автора. Как в теоретическом, так и в практическом аспекте ни одна другая книга не оказала на экономическое мышление XX века такое влияние, как она. В ней была доказана возможность государственного регулирования экономики, а первая четверть века после Второй мировой войны была воспринята как подтверждение ее положений. Весьма интересна также необыкновенная судьба, которая ждала ее со дня выхода в свет. В отличие от множества других работ, которым пришлось долго ждать своего признания, и оно чаще всего наступало после смерти автора, в данном случае все было по-другому. Книга Кейнса с восторгом была принята общественностью вскоре после появления на книжном рынке, словно она только ее и ждала. Это было потому, что каждая ее строка дышала духом того бурлящего времени, в котором она была написана. Только что скрылась за горизонтом Великая депрессия 1929-1933 годов, но ее тяжелые последствия оставались на виду и требовали своего объяснения. Они и были даны в работе Кейнса.

При этом отметим, что Кейнс не был первым, кто дал ответы на остро вставшие тогда проблемы. За несколько лет до Кейнса польский экономист Михаил Калецкий опубликовал ряд работ об истоках мирового экономического кризиса и дал аналогичные Кейнсу решения и рекомендации с марксистских позиций. Но, в отличие от Кейнса, его работы не привлекли должного внимания. Во-первых, потому, что западный мир не был склонен прислушиваться к голосу из марксистского лагеря. Во-вторых, потому, что работы были написаны по-польски, а читающая на этом языке публика не была достаточно подготовленной к признанию отечественного пророка.

Судьба Кейнса была более счастливой. Он родился и подвизался в стране высокой культуры, где, с одной стороны, всегда по достоинству ценилась научная новизна, а с другой – была терпимость даже к тому, что в данный момент не считалось общепринятым. Поэтому кейнсианская оригинальность, состоявшая в решительном отходе от общепринятых тогда в экономической теории неоклассических (по терминологии Кейнса классических) постулатов, вовсе не шокировала английскую общественность. Это не значит, что новаторство Кейнса проходило без сучка и задоринки. Здесь тоже было то, что бывает всегда. Труднее всего новаторство признается в профессиональной среде. Отказ от теории саморегулирующего рынка и переход на позиции регулируемой государством экономики был таким громом с ясного неба, и поначалу он вызывал большое недоумение среди выросших на маршаллианской традиции коллег. Но суровая реальность мирового кризиса и его не уходящие последствия, объясненные гением Кейнса, сделали свое дело, и в скором времени его идеи получили полное признание.

И все-таки полного торжества своих идей, пришедших на первую четверть после Второй мировой войны, самому Кейнсу не было суждено увидеть. 21 апреля 1946 года, в возрасте 63 лет, в расцвете творческого дарования очередной сердечный приступ унес его из жизни. Но он оставил 30 томов своего бесценного теоретического наследства, главным из которого является рассматриваемая нами здесь работа. Ее разбору в мировой литературе посвящена гора других работ, и отличиться среди них непросто. Но поскольку, как мы постараемся показать на страницах предлагаемой книги, наследство Кейнса подверглось различным толкованиям и искажениям, то здесь обнаружилось и белое пятно. Это особенно касается российского следа в воззрениях Кейнса. Он остался за пределами внимания тех, кто писал о нем. Поэтому для российских ценителей Кейнса его наследие с нашей сегодняшней ситуацией имеет тройкий смысл, который состоит, во-первых, в установлении российского следа в его взглядах; во-вторых, в восстановлении подлинного смысла его теории в духе работ посткейнсианских последовате-

лей; в-третьих, в применимости этой теории к объяснению современной российской ситуации. Предлагаемая книга посвящена этим именно вопросам.

Беда в том, что одновременно с моделью рынка *laissez faire* российские власти приняли также господствующую в западных странах неоклассическую экономическую теорию (экономикс), которая заняла у нас место прежней политической экономии. Но от этого мы только попали из огня да в полымя и запутались в трех соснах. Несмотря на свою догматичность, советская политическая экономия была если не полным, то все-таки отражением нашей ситуации и для ее понимания давала определенные ориентиры. О принятой нами неоклассической ортодоксии ничего подобного сказать нельзя. Во многих западных работах доказывается, что экономикс не отражает реалии даже капиталистических стран. Так, задолго до принятия нами этой теории, еще в 1983 году, выдающийся американский экономист, создатель теории корпоративной экономики А. Эйхнер писал: «Экономикс как самостоятельная дисциплина включает в качестве главного содержания концепцию... которая не находит подтверждения в реальности. Действительно, данная теория – не более чем надуманный набор утверждений, основанных на метафизических, и, следовательно, ненаучных аксиомах. Неудивительно, что государственная политика, следуя подобной теории, просто обречена на неудачу». (Эйхнер, 2004, с. 342).

А. Эйхнер говорил это применительно к западной ситуации. Что касается глубоко отличной ситуации постсоветских государств, то к ней представленная в экономикс неоклассическая теория подходит еще меньше. К сожалению, ни тогда, когда начались реформы, ни теперь, когда уже накопился большой опровергающий их материал, мы не прислушались к предостерегающим соображениям о несостоятельности этой теории. Между тем, не только классический марксизм, но и признанная на Западе респектабельная кейнсианская теория, в особенности в ее посткейнсианской трактовке, указывает на то, что капитализм чреват конфликтами и кризисами, против которых не только надо держать ухо востро, но и порох сухим. Иначе говоря, кейнсианство указывает на необходимость как теоретической концепции объяснения конфликтов и кризисов, так и соответствующего набора инструментов для их предотвращения или смягчения. Неоклассический мейнстрим поступает наоборот. Делая главной своей задачей идеализацию капитализма, он выдвигает на первый план теорию общего равновесия и оптимальность по Парето, и тем закрывает глаза на возможность конфликтов и кризисов.

Эту предвзято идеализированную картину капитализма восприняло российское население в начале 90-х годов прошлого века с подачи тех, кто нацелился на захват народной собственности путем ее реформирования и приватизации. Они рисовали капитализм в самых привлекательных красках как царство изобилия и свободы, предлагая последовать примеру тех стран, кто идет этим путем. Людям говорили, что рай находится за углом, стоит ввести рыночную экономику вместо плановой, а народные богатства изъять из ведения государства и отдать в частные руки, как наша экономика поднимется на небывалую высоту и мы заживем счастливой жизнью народов преуспевающих стран.

Многие восприняли разукрашенный правами человека фасад капитализма за реальность. Они того не знали (не хотели знать), что за привлекательным фасадом скрывается нечто другое: отношения господства и подчинения, и благополучие одних строится за счет страданий других, будь то эксплуатация работников своей страны или населения зависимых (периферийных) стран, находящихся под господством мирового капитала. Многие из нас знали, что источник достижений развитых стран состоит не столько в частной собственности, сколько в другой культуре и положении в мире, и простой заменой одной формы собственности другой проблема не может быть решена. Причина разного уровня развития стран Северной и Южной Америки была не в том, что в одном случае есть, а в другом нет рынка и частной собственности, а в том положении, которое одни (США и Канада) занимают в системе мирового хозяйства по сравнению с другими (латиноамериканскими) странами. Отсюда недоверчивое отношение

многих к предложенной нам тогда от имени МВФ и Мирового банка неоклассической модели рынка. И вовсе не потому, что мы были марксистскими ретроградами, как утверждали наши оппоненты, а совсем по другой причине. Десятилетиями мы изучали и преподавали историю и теорию капитализма не только по Марксу и Ленину, но и по Смиту, Рикардо, Миллю, австрийской школе, Веблену, Кейнсу, Самуэльсону и другим западным экономистам, многие работы которых были переведены на русский язык и были хорошо знакомы советским специалистам. Из них было видно, что рынок и капитализм представляют собой очень сложный продукт длительного исторического развития. Пройти подобный путь в течение считанных дней, как предлагали нам тогда, невозможно. Не надо обладать семью пядями во лбу для понимания того, что в стране, лишенной традиций частного предпринимательства, в мгновение ока не могут появиться эффективные собственники, которые одним махом поднимут экономику на уровень более развитых стран.

Тем более что с высоты марксистского взгляда на капитализм довольно зримо просматривалось его сползание в некое подобное новой Великой депрессии. Массовый характер спекуляций с ценными бумагами (финансализация) не был секретом. Правда, точно никто не знал, когда и чем это кончится. Но такие знатоки капитализма, как Джон Гэлбрейт (1961) и Хайман Минский (1986), выдвигали «гипотезу финансовой нестабильности» (Financial Instability Hypotheses), что было далеко от той гравюрной картины, которую нам рисовали миссионеры рынка. Более того, рекламированные тогда рейганомика и тэтчеризм, снимавшие все преграды экспансии капитала и его проделкам, казались многим содержащими в себе источники будущих осложнений внутри стран и на международной арене. В то время как мейнстрим разоружал общество, вводя его в заблуждение относительно его будущего, посткейнсианцы открывали ему глаза, вооружая его реалистическим пониманием надвигающихся на него угроз. Понятно, что такая обстановка должна была насторожить каждого непредвзятого человека относительно нашего поворота на неизвестное бездорожье.

Но трезвость в оценке ситуации тогда была не в моде. Спекулятивная нажива принималась как признак здорового успеха, и капитализм подавался нам как выход из ада дефицита в рай изобилия. Для этого была задействована налаженная система тотальной промывки мозгов. Теперь с помощью средств массовой пропаганды можно убедить людей, что черное есть белое – и наоборот. Так и было сделано, и множество людей поверили, что, отдав свое право собственности и накопленные сбережения неведь откуда взявшимся людям, мы заживем лучшей жизнью.

В книге будет показано, что в отличие от названных выше посткейнсианцев, предупреждавших о приближении нового мирового кризиса, неоклассические теоретики (Р. Лукас, Б. Бернанке) доказывали, что «современная макроэкономическая политика решила проблему делового цикла» (Кругман, 2009, Roubini and Mihm 2010) и связанная с ними опасность якобы уже миновала. В таких же успокоительных утверждениях не было недостатка и накануне Великой депрессии 1929-1933 годов, в годы, отмеченные беззаботным процветанием. Позиция же Кейнса была другой. С того момента, как он покинул Пражскую мирную конференцию 1919 года, бросив в лицо ее участникам свою книгу о роковом характере принятых ими решений, он стал бить в набат относительно угроз, наступающих на капитализм с разных сторон. Его выступления в им же основанном «Клубе политической экономии», а также газете «Нация» были проникнуты заботой о будущем. Кейнс указывал, что «любовь к деньгам», с одной стороны, стимулирует предпринимательство и выпуск продукции, но с другой – усиливает социальное и имущественное неравенство до степени, создающей угрозу самому существованию капитализма. Свободный рынок (*laissez faire*) для него, как мы покажем, было не что иное, как безудержный разгул порочной «страсти к деньгам», создающей кричащие неравенства и тем самым несущей угрозу обществу, в котором он жил.

Глубокая тревога о судьбе этого общества захватила Кейнса под влиянием двух драматических событий XX века: русской революции 1917 года и Великой депрессии 1929-1933 гг. В отличие от множества других политиков, ученых и других деятелей Запада, он не считал их случайными, а вполне закономерными, возникшими на почве дряхлеющего капитализма. Но, верный ценностям этого общества, целью своей жизни он сделал их защиту перед лицом исторического вызова. Но не путем апологетического приукрашивания язв капитализма, как это делали многие его коллеги, а путем их вскрытия и устранения и, таким образом, его обновления и улучшения.

Никто из западных мыслителей, подвизавшихся на арене общественно-экономической мысли, не проникся этой миссией так, как Кейнс. Его кипучая деятельность и невероятные интеллектуальные усилия, вершиной которых стала *Общая теория занятости, процента и денег*, являются еще одним свидетельством того, что великие идеи не возникают на пустом месте, они оказываются под силу тому, кто воспринимает драму эпохи как личную драму. Таким был Карл Маркс, принявший близко к сердцу несправедливости капиталистического общества, угнетенное положение безжалостно эксплуатируемого рабочего класса, и он встал в его защиту. С этих позиций он осветил реальности капиталистического общества с непревзойденной силой и полнотой. Как бы сама эпоха вручает свою судьбу тому, кто острее других страдает от ею же причиняемой боли, ибо только переживаемая обществом драма придает человеку ту остроту зрения, благодаря которой он способен видеть то, что не видно другим. Для XIX века таким был Маркс. Для XX века таким стал Кейнс. Правда, Маркс оценивал буржуазию как класс, паразитирующий на теле рабочего класса, и рассматривал проблемы капитализма с позиций защиты его интересов, в том числе и преобразования общества. Кейнс же придерживался противоположных взглядов. Превыше всего он ставил ценности капиталистического общества, а их защиту перед лицом исторического вызова считал главным смыслом своей жизни. Вначале он провозглашал: «Я хочу скроить такое общество, в котором большинство существующих проявлений неравенства и его причин будет устранено». (См.: Скидельски, 2005, т. 1, с. 645). Затем к этому он добавляет существенное уточнение: «Я не хочу уравнивать индивидуумов. Я хочу дать поддержку всякому исключительному усилию, способности, храбрости, характеру. Я не хочу противодействовать преуспевающему, исключительному. Я полагаю, что, если сравнивать человека с человеком, средний класс и даже верхний класс оказывается выше рабочего класса». (там же). Высокомерие к рабочему классу предопределило также его предвзято мещанскую оценку русской революции.

В отличие от Маркса, стоявшего на стороне рабочего класса, Кейнс стоял на стороне властвующей буржуазии. Но в отличие от тех защитников капитализма, которых банковский счет приковывает к господствующим представлениям крепче, чем Гефест приковал Прометея к скале, Кейнс был свободен от этих цепей. Он мог позволить себе беспощадно критиковать не только правителей, но и капиталистические порядки в том, в чем их считали противоречащими здравому смыслу и целям благополучия не только верхних слоев общества, но всего народа. В таком духе и написана его *Общая теория*, в которой многие догматы неоклассической (по терминологии Кейнса классической) ортодоксии пересмотрены под углом зрения обеспечения полной занятости и народного благосостояния. Но такой пересмотр осуществлен им не для отказа от капитализма, а его улучшения, что было невозможно без вскрытия его негативных сторон и научного осмысления его реальных проблем. В кейнсианской теории, таким образом, познавательная функция политической экономии является ведущей, а идеологическая – ведомой, а не наоборот, как во многих других случаях.

Однако, как будет показано в книге, за прошедшие 75 лет со времени выхода в свет *Общей теории* она не осталась неизменной. Эта работа, так же как и наследство Кейнса в целом, подверглась существенной переработке мейнстримом в целях удаления из нее критических оценок капиталистических реальностей и истолкования его идей в духе вульгарной идеализации

капитализма, получив название *неоклассического синтеза*. В первой главе книги я попытался, насколько хватило места и сил, представить кейнсианские идеи в их первоизданном виде, опираясь на высказывания самого Кейнса и пренебрегая изобилующими в литературе их вольными трактовками на вкус различных авторов. Эта глава, названная «Кейнсианская революция в экономической теории», с тем же правом могла бы называться «Восстановить Кейнса, чтобы пойти вперед», ибо революцией кейнсианские идеи могут называться в их первоначальном виде и значении, а переработанные и включенные в неоклассический синтез уже носят подсобный характер и на революцию никак не тянут.

Возвращение к подлинному Кейнсу для нас важнее всего потому, что именно на его основе, как будет показано в книге, сложилось *посткейнсианство* в качестве особого направления современной экономической мысли. Предлагаемый в книге переход от модели спонтанного развития к модели регулируемого развития, предполагается более отвечающей нашим нуждам посткейнсианской экономической теорией. По этой причине ей в книге уделено значительное внимание.

В этой связи с самого начала внесем ясность в то, что название «посткейнсианство» многие считают неудачным, ибо источником создания этой теории Маркс послужил не менее, чем Кейнс, а затем стали Калецкий, Кальдор, Джоан Робинсон и ряд других выдающихся экономистов современности. Но поскольку название стало обиходным, то приходится его придерживаться. Гораздо важнее, что посткейнсианцы отвергают неоклассику и противопоставляют ей свой альтернативный подход по широкому кругу проблем – вплоть до методологии экономического анализа, что при всех различиях авторов придает этой теории определенную цельность.

Посткейнсианство отвергает исходное положение нео-классики о свойстве рынка и капитализма к спонтанному саморегулированию, достижению общего равновесия, так называемой оптимальности по Парето, и способности агентов рынка рассчитать и предвидеть результаты своих действий. Наоборот, говорит оно, экономика характеризуется *фундаментальной неопределенностью будущего* и точные последствия своих действий люди рассчитать не могут. Кризисные спады – явный тому показатель. В рынке и капитализме заложена тенденция не к равновесию, а к его нарушению, когда экономике приходится функционировать «на острие ножа», чреватой обострением социальной напряженности. Единственное, что могут делать люди, это с помощью государства в желательном направлении воздействовать на развитие экономики. Отсюда выдвижение кейнсианством на первый план задачи обеспечения занятости путем стимулирования частных и государственных инвестиций и накачивания совокупного спроса как стимулятора экономического роста.

Посткейнсианство дает наиболее адекватное объяснение современному капитализму и благодаря этому также наиболее верные подходы к оценке проблем пореформенного развития постсоветских государств. В соответствии с этой необходимостью в книге представлена картина сложившейся в России экономической ситуации. В пределах ее небольшого объема во второй главе приводится довольно богатый статистический и фактический материал, бесстрастным языком говорящий о горьких уроках происшедших в нашей стране негативных перемен. Их коренную причину я усматриваю в принятии не соответствующей нашим условиям неоклассической модели рынка. Несоответствие этой модели нашей специфике и потребностям является центральной идеей книги, проводимой от первой до последней ее строки. Обильный фактический материал второй главы рассматривается в книге как экспериментальное опровержение легших в основу наших реформ догматов неоклассической ортодоксии, несостоятельность которых в свое время была доказана Кейнсом, но позднее, не мытьем так катаньем, восстановленных в правах в виде современного монетаризма.

К счастью для нас, в западных странах, прежде всего в Англии и США, с кейнсианским наследством проводилась работа в целях восстановления первоначального смысла содержащихся в нем идей и дальнейшего их развития применительно к менявшейся ситуации в мире.

Со временем несостоятельность неоклассических постулатов становилась все более очевидной, а альтернативная трактовка тех же проблем на основе изначального кейнсианства все более необходимой. Это нашло свое выражение в создании упомянутого посткейнсианства как теории третьего пути, альтернативного как тоталитарному социализму с его жестко централизованной экономикой, так и бесчеловечному капитализму с неограниченным рынком и безжалостной эксплуатацией труда капиталом. Круг этих проблем рассматривается в третьей главе книги.

В ней читатель увидит, что задолго до того, как наши горе-либералы стали воспринимать неоклассические постулаты в качестве спасительных откровений, посткейнсианские авторы доказывали их несоответствие реалиям капиталистической действительности и неспособность быть основой эффективных решений. В свете посткейнсианских идей становится ясно, что завидное со стороны западное изобилие и благополучие определяются не тем, что рыночная экономика эффективнее плановой, а в немалой степени тем, что составляющие центр силы мирового капитала страны подчинили себе и эксплуатируют страны капиталистической периферии, выжимая оттуда соки для себя. Толком не разобравшись в этом и схватившись за чуждую нам модель рынка, мы выбрали не путь подъема до уровня развитых стран, как нас дурачила официальная пропаганда, а путь сползания до уровня периферийных стран, как оказалось на деле.

Теперь мы пожинаем плоды своего рокового выбора. С тем большей необходимостью нам надо разобраться в том, какая теория отвечает нашим нуждам, а какая нет. Наиболее подходящей нашим условиям представляется институционально-посткейнсианская экономическая теория, различные аспекты которой рассматриваются в третьей главе. Читатель ознакомится здесь с тем, как и почему она складывалась и что собой представляет ее современный потенциал, а самое главное – какие идеи этого направления каким образом могут быть использованы в российской практике. Само собой разумеется, что нужной нам теории в готовом виде нигде нет. Посткейнсианство также не является таковым. Разработанное западными учеными на их собственном материале, оно далеко не в полной мере учитывает нашу специфику. Поэтому его приспособление к нашим условиям предполагает дальнейшее развитие этого учения с учетом нашего опыта, что требует большой дополнительной работы. Но важно ее начать, и предлагаемая книга достигнет своей цели, если она станет первым шагом по этому пути.

Такая необходимость встает перед нами с тем большей остротой, что, в отличие от нас, многие другие страны и народы сумели найти подходящую им теорию и модель развития и развиваются высокими темпами. Имеются в виду, прежде всего, Китай, Вьетнам, Индия и Бразилия, экономика которых развивается наиболее высокими темпами, достигающие на этой основе роста благосостояния своих народов. В более ранний период, правда, в иных условиях, в целях противодействия экспансии коммунизма высокие темпы развития были приданы Японии и так называемым «юго-восточным тиграм» (Южная Корея, Тайвань, Сингапур).

В четвертой главе рассматривается разнообразный и оригинальный опыт этих стран под тем углом зрения, что мы могли бы у них принять. Читатель увидит, что, хотя условия и мотивы пионеров ускоренного развития (Япония и юго-восточные страны) существенно отличались от условий и мотивов тех, кто принял их эстафету (Китай, Вьетнам, Индия, Бразилия), тем не менее в их развитии была и есть некая общая черта – никто из них слепо не воспроизвел англо-американскую модель рынка. *В отличие от нас, каждая из этих стран разработала и осуществляет собственную модель экономики в соответствии со спецификой своей страны, ценностями культуры и ментальностью народа.*

Этому в книге уделено значительное внимание. Вслед за японским теперь мир стал свидетелем китайского, вьетнамского, индийского и бразильского «чудес». Феномен этих чудес, состоящий в необыкновенно высоких темпах экономического роста, и происходящее в результате этого изменение соотношения сил на мировой арене привлекают широкое внимание миро-

вой общественности. Об этом говорят и пишут. В зарубежной литературе этот опыт широко обсуждается.

К сожалению, у нас ему должного внимания не уделяется. Российские власти воспринимают этот опыт как укор за то, что направили развитие своей страны по иному, губительному для нее пути, а потому стараются его замолчать. Ни в текущей, ни в учебной литературе причины высоких темпов роста в указанных странах объяснения не находят. Ни в одном из известных нам учебниках нет концептуально-теоретического объяснения причин высоких темпов роста стран, собственным путем поднимающихся к вершинам высокой развитости. Внимание в них ограничено опытом западных стран, «золотой век» которых в течение послевоенного (после Второй мировой войны) времени объясняется использованием кейнсианских методов государственного регулирования экономики, предупреждения спадов и обеспечения занятости. В то же время отмечается, что эти методы со временем привели к чрезмерному росту инфляции (стагфляции), а потому от них пришлось отказаться и принять монетаристскую концепцию свободного (нерегулируемого) рынка. Таким образом, бросается тень на кейнсианство, создавая впечатление, что для какой-то особой ситуации оно пригodiлось, а в целом оказалось непригодным и его пришлось переделать (неоклассический синтез).

Если это так, то чем объяснить высокие темпы роста указанных стран? Во многом тем, что они практикуют многие рекомендации кейнсианской концепции регулирования экономики. В неоклассических учебниках на этом счет никаких ответов нет. В меру своих возможностей мы постарались осветить этот чрезвычайно интересный для нас опыт и тем подтвердить, что разработанные 75 лет назад идеи Кейнса, дополненные его последователями за счет классической политической экономии (Маркс) и анализа новых явлений современного капитализма (посткейнсианство), являются альтернативой неоклассической ортодоксии и высшим достижением современной экономической мысли.

Глава I. Кейнсианская революция в экономической теории

Введение

В блестящей плеяде ученых-экономистов, создавших и обогативших экономическую теорию, Дж. Кейнс занимает особое место наряду с другими ее наиболее выдающимися классиками – Адамом Смитом и Карлом Марксом. Если основатель этой науки А. Смит объяснил рыночную конкуренцию с точки зрения трудовой стоимости, то К. Марксу принадлежит заслуга раскрытия анатомии капитализма путем анализа стоимости и прибавочной стоимости. Спустя без малого сто лет Дж. Кейнс совершил новую революцию в экономической теории – доказал возможность регулируемого развития капитализма.

К сожалению, в неоклассических учебниках об этом вкладе Кейнса в лучшем случае только упоминается – без раскрытия содержания самого регулирования. Основной же упор кейнсианской трактовки капитализма перенесен на показ рыночного определения спроса. Кейнсианство трактуется не как теория занятости, производства и совокупного спроса, как это делал сам Кейнс, а как управление спросом в духе монетаристской теории обмена, спроса и предложения.

Операция по переделке наследия Кейнса при активном участии Пола Самуэльсона и с его же легкой руки получила название «*неоклассического синтеза*». Как будет показано ниже, он был призван и действительно пришел на смену прежнему кейнсианству с такой его переделкой, о которой говорилось выше. Удаление критической направленности кейнсианства и его трактовка в духе неоклассической ортодоксии были призваны примирить одно с другим и изолировать подлинных последователей Кейнса, представив их научной общественности и остальному миру как малозначимую секту непримиримых.

В третьем издании своего учебника П. Самуэльсон писал: «В последние годы 90 % американских экономистов уже не делятся на «кейнсианцев» и «антикейнсианцев». Вместо этого они стремятся соединить все ценное из старой экономической теории и новых теорий определения дохода. Результат этого синтеза, который можно назвать неоклассической теорией, принимается в общих чертах всеми, за исключением примерно пяти процентов крайне левых и столько же крайне правых» (Samuelson, 1955).

Авторы другого учебника «Экономикс», Баумоль и Блиндер, пошли еще дальше. Они пишут: «Отличия между кейнсианцами и монетаристами сильно преувеличены в средствах массовой информации. Если же взять основы этих экономических теорий, – утверждают они, – то едва ли есть разница между ними» (Baumol and Blinder, 1982, p. 264). Если это так и кейнсианство и монетаризм тождественны, то зачем иметь разные названия одного и того же?

Между тем это не одно и то же, и по крайней мере Самуэльсон это признает. Под «новыми теориями определения доходов» он имел в виду то, что было взято у Кейнса для переделки в духе новых потребностей свободной экспансии капитала. При этом ортодоксия также внесла в свою прежнюю теорию ряд кейнсианских поправок, в частности признала необходимость определенных функций государства в области денежной и бюджетной политики. О. Бланшар по этому поводу пишет: «В отличие от прежней неоклассической теории новый синтез не предполагал полной занятости в условиях *laissez faire*, однако считалось, что при правильной денежной и бюджетной политике старые классические истины вновь станут актуальными» (Blanchard, 1998, p. 634).

Многие современные последователи Кейнса не были согласны с таким искажением его теории и словами одного из учеников и последователей Джоана Робинсон называют это «ублюдочным кейнсианством» (*bastard Keynesian*). Так посткейнсианцы называют такое кейнсианство, из которого удалено присущее Кейнсу критическое отношение к капитализму *laissez faire* и к господствовавшей тогда и поныне в западном мире неоклассической ортодоксии в виде ее крайне правого крыла – *монетаризма*, связанного с именами Мизеса, Хайека и Фридмена.

При этом без должного внимания остался тот факт, что в течение четверти века после Второй мировой войны кейнсианские рецепты даже в ограниченном варианте неоклассического синтеза оправдали себя тем, что обеспечили западным странам и Японии высокие темпы экономического роста при отсутствии или минимуме безработицы. Однако со временем даже такое кейнсианство утратило ценность для жаждущей свободы экспансии и произвола капитала. Кейнсианские рецепты годились для развития национальной экономики, но не для осуществления такой активной внешней экспансии, которая в эпоху глобализации, как будет показано далее, стала сулить транснациональным корпорациям наибольшие выгоды. В новой ситуации капитал требовал освобождения от кейнсианской узды регулирования и выхода на такой простор, где бы мог творить все, что ему угодно.

Иначе говоря, «рейганомика» и «тэтчеризм» требовались капиталу задолго до того, как глашатаи политики неограниченной свободы сами появились у руля США и Великобритании. Теоретическую почву принятия этой политики готовили путем отказа от кейнсианских положений даже в том «ублюдочном» виде, в каком их толковал неоклассический синтез.

Здесь-то стала ясна несостоятельность приведенного выше процентного подхода Самуэльсона к определению ценности научного направления. Значение имеет не процент сторонников или противников той или иной концепции, а его соответствие или несоответствие реальности современной экономики. С этой точки зрения первоначальное кейнсианство, не подвергнутое переделке и противостоящее неоклассическому синтезу, а тем более монетаризму, представляется нам более адекватным отражением современной реальности, в особенности того, что происходит в постсоветских государствах, где сложилась модель капитализма, глубоко отличная от западной.

В предлагаемых здесь строках предпринята попытка осмысления кейнсианской революции в экономической теории в ее первоначальном понимании в свете нужд рыночной реальности России и других постсоветских государств. Кейнсианское учение излагается здесь не в пересказе, как это делается в учебниках, а с помощью самого Кейнса, с опорой на его собственные суждения. В соответствии с таким подходом в центр внимания этой концепции поставлен вопрос *о регулировании экономики, как путем государственного воздействия, так и создания частнокапиталистической заинтересованности социально ориентированного ведения хозяйств*. Этой необходимости подчинены остальные, более частные вопросы, рассматриваемые им в *Общей теории* и других работах.

Прежде всего, это относится к проблеме эффективного спроса, который рассматривается под углом зрения регулирования капиталистической экономики путем обеспечения полной занятости трудоспособного населения в том смысле, как Кейнс понимал это понятие. То же самое следует сказать о взаимодействии совокупного спроса и совокупного предложения и всех остальных проблемах кейнсианской концепции.

Подобный подход, разумеется, не исключает того, что во многом другое изложение кейнсианства совпадает с тем, что представлено в учебниках и специальных работах, посвященных различным аспектам кейнсианской теории. Однако сам Кейнс во многих случаях предопределил не только иные постановки освещаемых вопросов, но и последовательность их изложения.

Рассмотрение кейнсианства мы начнем с показа революционного переворота, совершенного Кейнсом в экономической теории. Он состоял в том, что теории автоматического саморегулирования экономики, не нуждающейся ни в каком вмешательстве государства, Кейнс

противопоставил необходимость такого вмешательства путем регулирования занятости, инвестиций и совокупного спроса. Более того, исходя из уроков Первой мировой войны и Великой депрессии 1929-1933 годов, Кейнс считал такое регулирование непременным условием спасения капитализма от нависшей над ним угрозы со стороны наступавшего тогда социализма. Как мы покажем ниже, именно мотив спасения капитализма был главным для Кейнса, когда он сел писать свой главный труд *«Общая теория занятости, процента и денег»*.

Само собой понятно, что такая цель не могла быть достигнута как без пересмотра ряда господствовавших тогда положений макроэкономической теории, так и альтернативных решений о механизме функционирования экономики в условиях ее государственного регулирования. Поэтому из широкого круга проблем, рассматриваемых в *Общей теории*, мы остановимся на тех, которые Кейнс считал основными составляющими своей концепции, не сводя, однако, ее только к ним, как принято в неоклассическом синтезе.

1. Истоки кейнсианской революции

Кейнс не оставил каких-либо определенных признаний относительно эволюции своих взглядов и того, каким путем он пришел к своим конечным выводам. Однако чтение его произведений с учетом условий и этапов его жизненного пути проливает свет на все это. С молодых лет Кейнс принадлежал к образовавшейся в самом начале XX века так называемой Блумбергской группе писателей, художников и ученых, занявших заметное место в интеллектуальной истории Англии (Rosenbaum, 1987). Плоть от плоти они были представителями английской аристократии, и по статусу им было положено быть выразителями ее интересов. Однако по своему интеллекту они возвышались над ней и видели много больше представителей своей среды, а потому в критическом осмыслении окружавшей действительности они усматривали основной смысл своей творческой деятельности. Они осуждали ханжество и лицемерие викторианского времени и пытались оценить нынешнее и будущее положение своей страны перед лицом реалий наступившего времени.

Этот критический дух был присущ также Кейнсу, и он сохранил его до конца своей жизни, за исключением одного сравнительно короткого периода. В отличие от других своих соclubников, Кейнс не осудил разразившуюся в свое время Первую мировую войну как империалистическую с обеих сторон, а, наоборот, пошел служить в палату казначейства (министерства финансов) и возглавил отдел финансирования военных расходов (Moggridge, 1995, р. 245-261). Но нет худа без добра. Пребывание на таком ключевом посту позволило Кейнсу лучше понять подноготную ведения войны, и в итоге он встал на позиции решительного осуждения насильственных способов решения проблем как несправедливых и недальновидных.

Это ясно проявилось во время Парижской мирной конференции 1919 года по итогам Первой мировой войны, когда Кейнс в роли эксперта входил в состав английской делегации. В знак несогласия с проектом послевоенного устройства, в котором победители навязывали побежденным мир с миной, чреватой новым вселенским взрывом, Кейнс покинул конференцию и свою позицию изложил в вскоре вышедшей книге «Экономические последствия Версальского договора».

Эту книгу, принесшую ее автору широкую международную известность, надо рассматривать как показатель особой проницательности Кейнса, способности видеть то, что не видят другие. В то время главы держав-победителей – Англии, Франции, Италии и США – решили воспользоваться своим положением, чтобы исключить революционную Россию из решения европейских дел, а с побежденной Германией содрать как можно больше репараций. Кейнс отчетливо указал на близорукость такой дискриминационной и алчной политики. Если мы, писал он, «сознательно будем стремиться к истощению Центральной Европы, то я предсказываю, что отмщение не заставит себя долго ждать» (Кейнс, 1993, с. 50.) Вскоре так и случилось. Несправедливости Версальского мира, породившие недовольство немецкого населения, вскормили гитлеровский нацизм, принесший миру неисчислимые страдания.

В указанной книге Кейнс показал, что истоками особого видения Кейнса стали события его времени. Разразившаяся на его глазах Первая мировая война, последовавшая за ней и потрясшая всю Европу русская революция и неспособность стран-победителей понять подлинные причины, породившие войны и революции, а затем их возможные последствия повергли Кейнса в глубокое смятение. Последовавшая за ними в конце 20-х годов Великая депрессия еще больше усилила его потрясение. При рассмотрении великих произведений эпохи, в особенности в области экономической теории, фактор личной драмы автора обычно не принимается во внимание и все сводится к его таланту. Но ведь авторы тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо, в том числе беспокойство за судьбу системы, в которой живут. Кейнс жил в эпоху потрясавших мир событий, смысл которых захватил его целиком. Его кипучая деятельность и

неимоверные интеллектуальные усилия, вершиной которых стала *Общая теория занятости, процента и денег*, является еще одним свидетельством того, что великие идеи не возникают на пустом месте. Они оказываются под силу тому, кто воспринимает драму эпохи как личную драму. Хотя и по-разному – Маркс с намерением низвергнуть капитализм, а Кейнс – улучшить его, – но оба с большей остротой и глубиной, чем другие, принимали к сердцу несправедливости общества, в котором они жили. Это особое восприятие реальности придавало им ту остроту зрения, благодаря которой они были способны видеть то, что не было видно другим.

Особая, никому другому не свойственная в западном истеблишменте способность проникновения в глубокие тайны механизма капиталистической экономики позволила Кейнсу понять и раскрыть скрытые причины ее функционирования и пробуксовки в XX веке. Раскрытием этого механизма и указанием на способы преодоления этой буксовки Кейнс внес выдающийся вклад в экономическую науку, который по праву признан революцией в экономической теории.

2. Российский след в воззрениях Кейнса

Особое значение при формировании взглядов Кейнса на современный ему капитализм сыграла послереволюционная ситуация в России, чему в западной литературе обычно не придается должного значения. Между тем потрясший весь мир гром с ясного неба, каким явилась русская революция 1917 года, предложившая реальную альтернативу капитализму, не мог не привлечь самого пристального внимания такого проницательного мыслителя, каким был Кейнс.

Конфронтация между капитализмом и социализмом составляла основное содержание XX века, в которой были и горячие войны, а после появления ядерного оружия она велась в форме холодной войны и противостояния двух военно-политических блоков. Кейнсу довелось увидеть первую половину противостояния капитализма и социализма, но этого было достаточно для беспокойства о судьбе тех ценностей, которых он придерживался. Из мыслителей своего ранга Кейнс был единственным, кто три раза (1925, 1928, 1936 гг.) посетил Советский Союз и на месте ознакомился с практикой планового ведения хозяйства. В результате трехкратного посещения СССР Кейнс также изучил плоды русской революции и в целом пришел к отрицательному ответу на этот вопрос (Skidelsky, 1992, p. 488).

Однако еще до этих поездок в СССР и прямого соприкосновения с реальной ситуацией его отношение к России отличалось от окружающих его политиков и теоретиков никому из них не свойственной дальновидностью. В упомянутой работе о Версальском мире вместо выдвинутой западными державами политики экономической блокады России Кейнс предложил: а) взаимное погашение долгов воевавших стран друг другу, в том числе России; б) возложить на Германию обязанность по поставке России технических средств в обмен на продовольствие. Повышение производства сельскохозяйственных продуктов в России, полагал Кейнс, поможет не только ей самой, но и предотвратит голод, надвигавшийся на Европу. «Наш собственный интерес требует, – писал он, – чтобы скорее наступил день, когда германские агенты и организаторы смогут в каждой русской деревне привести в движение стимулы к экономической деятельности. Этот процесс, – указывал он, – абсолютно не зависит от формы правления в России; однако мы можем с известной достоверностью предсказать, что независимо от того, явится ли форма коммунизма, воплощаемая советским правительством, на долгое время соответствующим темпераменту русского народа, такие факты, как оживление торговли, удобств жизни и обычных стимулов к экономической деятельности, едва ли будут благоприятствовать крайним выражениям тех доктрин насилия и тирании, которые представляют результат войны и отчаяния» (Кейнс, там же, с. 64-65).

По истечении стольких лет и полученных уроков истории остается только удивляться дальновидной мудрости того, что предлагал Кейнс. Неприятие подобной политики, объявление России экономической блокады и постоянные требования признания внешних долгов прежнего режима, которые разоренное мировой и Гражданской войнами Советское государство не было в состоянии выплатить, лили воду на мельницу крайних сил в России. Они подтверждали их оценку состояния России как крепости, находящейся во враждебном окружении и не имеющей иной альтернативы выживания, кроме как закручивания гаек и создания тоталитарного режима как единственно способного противостоять враждебному давлению.

Западная слепота и расовая предубежденность в отношении русских немало способствовали провалу в правящей партии Советского Союза умеренной политики, наподобие той, которую проводит сегодня китайская компартия. Патологическая ненависть Запада к коммунизму не менее, чем наша собственная монархическая традиция, способствовала победе сталинской диктатуры в нашей стране.

С помощью вышесказанного мы хотели на близком нам материале показать высокий потенциал и дальновидность кейнсианского мышления. Однако судьба распорядилась таким образом, что и ряд других обстоятельств также привлекли его внимание к тому, что происходило у нас. Так, Ленин был первым из руководителей европейских стран, кто обратил внимание на упомянутую книгу Кейнса. Несмотря на предвзятую оценку автором русской революции, Ленин в ряде выступлений, в том числе с трибуны второго съезда конгресса Коминтерна, где присутствовали левые партии основных стран мира, воздал должное объективности данного там анализа корыстного характера решений держав-победительниц о послевоенном устройстве Европы. «Никто не описал так хорошо Версальского договора, – говорил Ленин с этой трибуны, – как это сделал в своей книжке Кейнс» (Ленин. ПСС, т. 42, с. 67).

Ленин положительно отнесся к предложению Кейнса о необходимости взаимодействия между Россией и Западной Европой по линии обмена сырья и изделий промышленного производства. «Для восстановления мирового хозяйства, – утверждал Ленин, – нужно использовать русское сырье. Без этого использования нельзя обойтись, это экономически верно. Это признает чистейший буржуа, изучающий экономику и смотрящий с чисто буржуазной точки зрения, это признает Кейнс, который написал книгу «Экономические последствия мира» (Ленин. ПСС, т. 42, с. 69). Тогда еще мало кому известный 37-летний Кейнс, надо думать, по достоинству оценил внимание человека, имя которого тогда было у всех на устах в качестве ниспровергателя политической архитектуры Европы и остального мира. Позднее Ленин предложил советским издателям отбирать и публиковать на русском языке некоторые книги. «Как образец, – добавил Ленин, – может служить книга Кейнса «Экономические последствия мира» (Ленин. ПСС, т. 51, с. 241).

Кейнс тоже отвечал Ленину взаимностью. Вступив в переписку с Лениным, он предлагал ему выступить на страницах редактируемой им газеты «Нация» с изложением своих взглядов. К сожалению, по причине наступившей болезни Ленин этого не смог сделать.

Дальше же было еще большее. С российской ситуацией в начале 20-х гг. Кейнса особенно сблизил его брак на русской красавице из Мариинского театра Лидии Лопуховой. В составе знаменитой Дягилевской труппы революция застала труппу на гастролях в Западной Европе, а начавшаяся вскоре Гражданская война преградила ей путь возврата на родину.

По признанию критиков, Лопухова уступала таким звездам русского балета, как Павлова или Карсавина, но тем не менее оценивалась достаточно высоко. Однако в данном случае важнее другое. Она была так хороша собой и заманчиво привлекательна, что полностью покорила Кейнса. В то время ей было 30 лет и она была женой распорядителя Дягилевской труппы, некоего Барокки. Брак и без того не ладился, а появление около нее Кейнса вовсе положил ему конец. Кейнс тоже немедленно прекратил все свои амурные похождения и все больше сходил с ума по Лидии, или Лоппи, как ласково он стал ее называть. Но истинная любовь никогда не протекает ровно. Окружавшее Кейнса чопорное общество, включая его родных, восстало против его женитьбы на русской эмигрантке. Многие из друзей Кейнса, в особенности из женской части, всячески уговаривали Мейнарда этого не делать (Moggridge, 1995, p. 396). Но Кейнс был неумолим, отказался от запланированной поездки в Индию и решил свой выбор не упускать из рук. Вскоре брак состоялся, и, войдя в круг Кейнса, Лидия сразу очаровала всех, за исключением тех, чьи надежды этим были разбиты. Ближайший друг и последователь Кейнса Рой Харрод вспоминал, как вскоре, оказавшись в компании всеми почитаемой жены А. Маршалла, та сказала: это лучшее, что мог и сделал Мейнард (Harrod, 1982, p. 365). Родные Кейнса души не чаяли в Лидии, а Джон в течение всей своей жизни чувствовал себя на вершине человеческого счастья.

Как пишет биограф Кейнса Роберт Скидельски, «если Мейнард был более чем экономист, то Лидия была больше чем балерина. За пределами Блумсбери ее умственная одаренность получила единодушное признание, хотя она у нее скорее была интуитивной, нежели

образовательной. Она оценила эстетизм умственного настроения Мейнарда, подтекст его чувств и мыслей и невероятным образом была способна поддерживать с ним диалог даже по вопросам, о которых ничего не знала. Мейнард был очарован своей Волшебной принцессой, а Лидия также все больше и больше влюблялась в своего Принца необыкновенной мысли и духа» (Skidelsky, 1992, p.101).

С воцарением Лидии в доме Кейнсов туда потянулись ее русские земляки. Они были людьми искусства, а потому о России говорили в аспекте скорее культурном, нежели политическом, но все равно российская тематика стала здесь достаточно обсуждаемой. В 1925 году в составе делегации Кембриджского университета Кейнс побывал в СССР на праздновании 200-летия Академии наук в Ленинграде и Москве. Здесь он воочию познакомился с советской жизнью. Он встречался со многими учеными и политиками и выступал в Госплане с докладом об экономическом положении Великобритании. По итогам своей первой поездки в СССР Кейнс написал «*Краткий взгляд на Россию*» (A Short View of Russia), где отрицательно оценил революционный метод решения экономических и социальных проблем. Впоследствии еще два раза (1928 и 1936 гг.) Кейнс побывал в СССР и внимательно присматривался к тому, что здесь происходит.

В те годы Москва была Меккой не только для левой, но и для значительной части либеральной интеллигенции. Супруги Вебб, леди Астор, Бернард Шоу, Герберт Уэллс, Бертран Рассел и многие другие интеллектуальные звезды Англии приезжали сюда и имели множество встреч и бесед с различными представителями советского общества вплоть до Сталина. Изучая советское общество, они искали ответ на вопрос: не является ли советский социализм с его экономическим планированием, социальным и культурным прогрессом новой цивилизацией, к которой движется мир? В результате трехкратного посещения СССР, как отмечалось, Кейнс также изучал плоды русской революции и, как отмечалось, в целом дал ей отрицательную оценку.

Не было того, чтобы Кейнс отрицал позитивное значение таких сторон советской жизни, как практика планирования экономики, наличие социальных гарантий гражданам, подчиненность инвестиций задаче обеспечения полной занятости и т. д. Наоборот, они вызывали у него живой интерес. Тем не менее в целом у него складывалось негативное отношение к советскому методу решения проблем ввиду высокой стоимости достигаемого прогресса. Прежде всего его шокировал уровень жизни населения. На этот счет у него были угнетающие впечатления вначале от рассказов жены, посетившей в 1932 году своих родственников в Ленинграде, а затем от собственной поездки к ним в 1936 году. Брат и сестра Лидии жили в большой нужде и тесноте в коммунальной квартире, несмотря на их высокое положение в Мариинском театре, который в глазах Кейнса был бесценным храмом русского искусства.

Под воздействием своих ранних впечатлений, рассказов своей жены и приходивших к ним русских гостей и наверняка полагаясь на свой поднятый Лениным авторитет в глазах советских властей, Кейнс в 1934 году решил послать в газету «За индустриализацию» статью с анализом второго пятилетнего плана (1932-1937). Показав определенное знание советской ситуации, он в то же время позволил себе указать на его слабость. «Совершенно верно, – писал Кейнс, – что росту промышленного производства сильно способствуют большие жертвы, приносимые для увеличения промышленного производства, без ясного отчета в том, выгоден ли он, строго говоря, нынешнему поколению рабочих» (Skidelsky, 1992, p. 489).

Похоже, что это осторожное замечание о чрезмерно высокой стоимости индустриального прогресса не встретило понимания. Ленина уже не было в живых, а находившаяся у власти сталинская камарилья, несмотря на возросшую к тому времени широкую известность Кейнса, едва ли читала и знала, кто он такой. Однако непонимание характерно не только для одной, но и для другой стороны. Со стороны Кейнса мы также видим взгляд на революцию, равно, как на все, что делалось после нее, как на что-то дурное, никак не обоснованное историче-

скими и социально-экономическими причинами. Сказалось его высокомерие по отношению к народным низам и тому, что они делают. После первого посещения России в 1925 году он писал: «Мне, выросшему в свободном воздухе, незамутненному ужасами религии, свободному от каких бы то ни было страхов, слишком многое в красной России представляется отвратительным» (Скидельски, 2005, книга 1, с. 646). Ничего удивительного. С высоты благополучия английского аристократа, не соприкасавшегося со страданиями народных низов, их тяжкая борьба за создание альтернативного капитализму общества в России казалась Кейнсу настоящим сумасшествием. Проницательный в одном, он был слеп в том, что выходило за пределы его привычных представлений. Поэтому советский эксперимент по созданию альтернативы капитализму казался ему лишенный смысла. Пока не попадешь в Россию, писал он о ее людях, нельзя понять, «насколько они безумны и что о своем эксперименте они заботятся больше, чем о том, чтобы делалось дело» (Скидельски, там же, с. 647).

Нарочитое сведение неоднозначности опыта русской революции к некоему безумию говорит не только о большой удаленности Кейнса от понимания положения русских рабочих и крестьян, но и о глубокой противоречивости суждений Кейнса. От него можно не требовать понимания положения русских рабочих и крестьян, которым судьба не оставила иного выбора, кроме антикапиталистического пути развития, но можно требовать логики в его суждениях. Если этот путь был усеян одними устрашающими примерами бессмысленных экспериментов, то как в среде Кейнса могла возникнуть упомянутая выше дискуссия на тему о том, не является ли советская система с плановым ведением хозяйства новой цивилизацией, идущей на смену западной? Кейнс отвечал на этот вопрос отрицательно, но многие другие – отнюдь не дураки – задумывались над этим вполне серьезно, его обсуждали. Почему? Кроме того, Кейнс сам неустанно настаивал на том, что нашей Меккой должен быть Вашингтон, а не Москва. Если бы Москва творила одни глупости, то она никак не могла бы обладать притягательной силой, чтобы возник такой вопрос.

Мы не знаем, изменилось ли понимание Кейнсом русской революции через 15 лет, когда он увидел, что «выросшие в свободном воздухе» правители европейских стран одни за другими сдавали свои народы на милость врагу, Англия со дня на день ожидала вторжения гитлеровских войск, и красная Россия стала ее основной надеждой. Можно только предполагать, что переживший Вторую мировую войну проницательный Кейнс не мог не понять, что кроме героизма своего народа Советский Союз обладал другими немалыми достоинствами, чтобы устоять перед нашествием фашистских орд и стать спасителем европейской цивилизации от фашистской чумы.

3. На пути к Общей теории

В то же время русская революция была воспринята им как серьезное предупреждение. При всем своем негативном отношении к ней Кейнс с повышенным интересом отнесся к выдвинутым ею проблемам, и это не могло не обострить его внимание к более широкому кругу социальных проблем, нерешенность которых угрожала существованию капитализма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.